

63.5
О-30
СА-400717

ОБЫЧАИ И ПРАЗДНИКИ РУССКОЙ СИБИРИ

НЕВЕДОМЫЯ РУСЬ

ОБЫЧАИ И ПРАЗДНИКИ РУССКОЙ СИБИРИ

44004-43

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Москва
«Вече»

✓

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	3
Коротко об авторах, чьи работы включены в книгу	5
ПОВЕРЬЯ И ОБЫЧАИ СУРГУТСКОГО КРАЯ	
(И.Я. Неклепаев)	
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
I. ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ	
СУРГУТЯН	14
Домашние духи — «суседки»	17
Духи, населяющие реки, леса и озёра.....	26
Посредники между людьми и нечистой силой.....	31
II. ВЗГЛЯДЫ СУРГУТЯН НА РАЗЛИЧНЫЕ	
ЦЕРКОВНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ПЕРИОДЫ	
И СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ИХ МЕСТНЫЕ	
ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ	47
III. СУЕВЕРИЯ И ПРЕДРАССУДКИ ОТНОСИТЕЛЬНО	
ОСТЯКОВ, А РАВНО И ПОЗАИМСТВОВАННЫЕ	
ОТ НИХ	53
IV. ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ПРИ РОЖДЕНИИ	
И КРЕЩЕНИИ И ОТНОСЯЩИЕСЯ СЮДА	
СУЕВЕРИЯ И ПРИМЕТЫ.....	66
V. ДЕТСКИЕ ИГРЫ И УВЕСЕЛЕНИЯ ВЗРОСЛОЙ	
МОЛОДЁЖИ	75
Детские игры.....	75
Увеселения взрослой молодёжи. Вечёрки	85
Сезонные увеселения молодёжи	119
VI. ГАДАНЬЯ И ПРИСУХИ.....	127
VII. СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ.....	145

Сватовство.....	148
Свиданье, или переводины.....	152
Девышник	155
Продолжение девышника и венчание.....	172
Пировье.....	178

VIII. ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ

СЛУЧАЯХ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ И РАЗНЫЕ СУЕВЕРИЯ И ПРИМЕТЫ.....	187
Приметы из обыденной жизни.....	194
Разгадывание снов	197
Поверья о кладах и о разных способах сделаться богатым и удачливым	198
Суеверные воззрения сургутян на природу и на разных представителей животного мира.....	204
Метеорологические приметы	208

IX. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

X. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ И СУЕВЕРИЯ О МЁРТВЫХ.....	244
---	-----

ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯН ТЮМЕНСКОГО УЕЗДА

(П.А. Городцов)

I. СЕМИК И ТРОИЦА	253
II. ЯИЧНОЕ ЗАГОВЕНЬЕ.....	259
III. ОСЕННЕЕ ЗАГОВЕНЬЕ	264
IV. МАСЛЕНИЦА	266
V. ДМИТРИЕВ ДЕНЬ.....	282
VI. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ	286
VII. НОВОСЕЛЬЕ	306

ПОВЕРЬЯ И ОБЫЧАИ СУРГУТСКОГО КРАЯ

И.Я. Неклепаев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если ты странствуешь, путник,
С целью благой и высокой,
То посети, между прочим,
Край тот далёкой...

Омулевский

Сургутский край — это Сургутский округ (ныне уезд) Тобольской губернии, расположенный по среднему течению р. Оби и по её притокам, на границе Тобольской и Томской губерний.

Трудно представить себе местность более пустынную, захолустную и дикую. Даже в навигационное время, продолжающееся, однако, здесь весьма недолго, не больше каких-нибудь 4 месяцев, этот край слишком мало оживляется Обью, хотя по ней развилось теперь довольно значительное судоходство и пароходы с баржами в течение лета почти каждый день снуют по ней из Томска в Тобольск и обратно. Это столь слабое влияние судоходной реки на оживление края объясняется, конечно, тем, что Сургутский край является только проходным путём, и то на короткое летнее время, причём любопытно заметить, что на весь этот громадный округ, который простирается по Оби около 600 вёрст, здесь существует только одна пристань (для всех более крупных и пассажирских пароходов, мелкие товарные заходят иногда и в другие места), это — Белоярская

пристань, верстах в 10 от Сургута — административного центра всего края.

Но если невелико оживление, вносимое летом одной пристанью, то зимой этот край становится ещё диче и глуше. Тогда, кроме почты, которая ходит раз в две недели из Тобольска до Сургута и обратно, да нескольких десятков обозов с кладью местных купцов, отправляющихся в Тобольск и на Ирбитскую ярмарку, не бывает почти никаких сношений с другими округами. Если к этому прибавить, что в течение осенних и весенних распутиц, продолжающихся здесь обыкновенно по полтора, по два месяца каждая, Сургутский край бывает совершенно оторван от всего остального мира, то читатель сумеет по достоинству оценить всю захолустность и глушь этой местности.

Русское население края, очень немногочисленное и сосредотачивающееся исключительно в окружном городе Сургуте да в немногих, 7 или 9, чисто русских поселениях округа, состоит частью из потомков давно уже поселённых здесь казаков, теперь обращённых в мещан, частью из позднее появившихся крестьян и мещан. Нужно заметить, что тлетворное влияние уголовной ссылки почти совсем не коснулось этого края, куда и раньше, по-видимому, мало ссылали уголовных, а в последние несколько десятков лет и вовсе перестали их ссылать, предоставив эти дебри одним только политическим ссыльным.

Что же касается инородцев-остяков, то в самом городе их почти нет, кроме какого-нибудь десятка служащих в работниках у местных купцов. Но зато в округе, как мы уже заметили выше, можно насчитать не более 7—9 деревень и сёл с чисто русским крестьянским населением. А затем, во все стороны по берегам Оби и её многочисленных притоков, тянутся остяцкие юрты и посёлки, общее население которых во много раз превосходит число русских жителей края.

Хлебопашеством здесь не занимаются. Правда, лет 40 тому назад в Сургутском округе, как в окрестностях города, так и в

одном из ближайших сёл, пробовали производить опыты хлебопашества, и опыты эти дали, по-видимому, благоприятные результаты, но хлебопашество всё-таки почему-то здесь не прижилось¹, может быть, впрочем, и потому, что, в то время как делались эти опыты, в хлебопашестве здесь и не нуждались, так как и промыслы тогда довольно хорошо обеспечивали жителей. Как бы то ни было, но теперь оно прекращается далеко от Сургута, и, если мы не ошибаемся, севернее с. Реполова (верстах в 300 от Тобольска, по Иртышу) уже не встречается.

Главное занятие жителей края — промыслы. При этом у остяков преобладает звероловство (рыболовные пески они большей частью сдают в аренду русским купцам, а сами рыболовством промышляют, главным образом, лишь для собственного потребления), у крестьян — рыболовство и, в меньшей степени, извоз, а у жителей города — над теми, другими и третьими, по доходности и по количеству занятых рук, доминирует зимняя доставка пароходских дров на Белоярскую пристань (вывозка из лесу и рубка²). Но и этот промысел, как и все прочие, с каждым годом всё более и более падает, и население края, как русские, так и инородческие, вследствие уменьшения зверя и рыбы и вырубки леса (близ вышеназванной пристани), несомненно, стоит на пути к обнищанию, хотя, впрочем, и в описываемое нами время оно не могло похвастаться особой зажиточностью. Среди общей бедноты горожан и крестьян выделяется лишь небольшая

¹ В «Очерках Сургутского края» («Зап. З.-Сиб. отд. И.р.г. о-ва», кн. X) С.П. Швецов упоминает, по-видимому, о тех же опытах, причём сообщает, что они были безуспешны, и объясняет это неблагоприятными естественными условиями местности.

² Эта доставка в описываемое нами время — 1891 г. — давала возможность одному рабочему с лошадью заработать в неделю рубля 3—4, но так как с каждым разом за дровами приходится ездить всё дальше и дальше от пристани, и значит, вырабатывать всё меньше, то и заработок этот начинает сокращаться, хотя цены в среднем (за доставку куб. сажени) остаются те же (4 р. 50 к. — 5 р.).

кучка местных купцов, разбогатевших, главным образом, на торговле с инородцами-остяками и приезжающими сюда на ярмарку самоедами. Что представляет из себя эта торговля — это хорошо всем известно по бесчисленным описаниям в сибирской прессе³, как не менее известно также и то, что к вышеперечисленным причинам обнищания инородцев следует присоединить и торговую эксплуатацию их русскими купцами...

Что же касается казаков-горожан, то раньше некоторым подспорьем для них служил казённый паёк (состоявший из муки и крупы), но, с обращением их в мещан в конце восьмидесятых годов, у них отобрали этот паёк и, кроме того, их начали облагать разными «попенными», «подомовыми» и «поземельными», которых они раньше не знали. И это до такой степени огорчает бывших казаков, что, кажется, не проезжал мимо Сургута ни один генерал, какого бы он ни был ведомства, к которому сургутяне не обращались с просьбами и ходатайствами о возвращении их опять в казачество, рисуящееся им как какой-то золотой век...

Эти-то горожане-казаки и составляют, собственно, главный объект наших этнографических наблюдений.

Хотя Сургут считается окружным (теперь уездным) городом, но, в сущности, он ничем, кроме величины и присутствия в нём окружного начальства, не отличается от всех прочих русских поселений округа. Заброшенный на громадное расстояние от губернского и в то же время ближайшего города — Тобольска (864 версты), Сургут даже по внешнему виду напоминает скорее село, и то из небольших и бедных, чем какой бы то ни было город. Все городские атрибуты в нём сведены к минимуму и в описываемое нами время ограничивались полицейским управле-

³ О сургутской торговле см. нашу ст. «Самоедская ярмарка в Сургуте» — «Сибир. листок»: 1893 г., №№ 4—5, а также ст. г. Швецова «Очерки Сургутского края» — «Записки Зап.-Сибир. отдела Имп. русс. географического общества», кн. X, 1889 г.

нием, почтовой конторой и неизвестно для чего существовавшей воинской командой. Здесь не было тогда ни казначейства, ни суда, ни даже тюрьмы...

Невелики преимущества Сургута и в культурном отношении перед округом. В начале 1890-х годов, к каковому времени относятся наши наблюдения, на весь город с двухтысячным населением было только две школы: приходское училище для мальчиков и небольшая школа грамотности для девочек, конечно, далеко не вмещавшие в себя всех желающих учиться детей. В это же время появилась первая и единственная школа в уезде — в одной из ближайших к Сургуту русских деревень. Этим и исчерпываются здесь все меры к развитию народного образования как в городе, так и в округе. Но не нужно забывать, что эти три школы — продукт самых последних лет, а раньше, до конца 1870-х годов, когда здесь появилось приходское училище, ни в городе, ни в округе не было ни одной школы.

В таком же неудовлетворительном состоянии, впрочем, как и повсюду в Сибири, находится в Сургуте и медицинская

Школа. Сибирь. Начало XX.

помощь, что даёт возможность местной народной медицине, о которой у нас будет речь ниже, расцвести здесь самым пышным цветом.

Естественно, что при этой заброшенности, некультурности и дикости края в жизни сургутян должно было сохраниться в более или менее чистом и нетронутым виде немало любопытных обычаев и обрядов, носящих на себе отпечаток несомненной седой старины и занесённых сюда с незапамятных времен, быть может, ещё с первыми засельщиками края. Эти архаические следы нетрудно подметить как в здешних свадебных обрядах и песнях, так и во многих вечерочных играх и в целом ряде разнообразных предрассудков и суеверий. Что не сохранилось в обряде, о том поёт песня, которая переживает обряд, или говорит какое-нибудь тёмное, глухое поверье.

Сургутяне, как и вообще всякая тёмная, непросвещённая масса, да ещё принуждённая жить в условиях крайней изолированности от остальных русских, и наоборот, в ближайшем соприкосновении и соседстве с полудикими туземцами-остяками и самоедами, естественно, замкнули свою жизнь в кругу различных унаследованных форм и ритуалов, освящённых обычаем и практикою дедов. Все более важные моменты жизни, начиная с рождения, продолжая браком и кончая смертью, здесь отмечены особыми обрядами, во всей своей неприкосновенности переходящими от одного поколения к другому и строго соблюдаемыми каждым.

Впрочем, в последнее время врываются и сюда волны городской «цивилизации» начинают мало-помалу пробивать брешь во всей этой первобытной обрядности, и молодое поколение, обычный носитель этих мутных волн, относится к старине уже не так почтительно, стараясь внести свои новшества в старинный уклад сургутской жизни. К сожалению, однако, все эти новшества пока ещё не идут далее замены на вечерках осмысленных и глубоко поучительных старинных игр и песен

нелепыми европейскими танцами да разными пошлыми трактирными песнями. Во всех же других отношениях здешняя молодёжь столь же дика, суеверна и невежественна, как и самые старые старухи. Влияние школы совершенно ничтожно, да оно и не может быть иным. Трудно, научая только читать и писать, искоренить всю ту суть предрассудков и суеверий, которые опутывают жизнь сургутянина буквально от колыбели до могилы. Вряд ли даже школа и претендует на это, и в результате получается совсем нежелательное явление: суеверие и предрассудки остаются, а та чудная первобытная поэзия, которою окрашены многие из сургутских обрядов и игр, те прелестные старинные песни, которые блещут такими дивными красотами образного и яркого великорусского языка, всё это исчезает, не заменяясь пока ничем лучшим. И жизнь становится более прозаической, сырой и скучной...

* * *

Предлагаемые вниманию читателя очерки сургутских поверий и обычаев составлены на основании личных наблюдений

Троицкий собор и центр города Сургут. Начало XX в.

зуб, мамонтов «рог» (клык) и пр. являются здесь довольно распространёнными лекарствами от разных болезней, причём терапевтическое значение их, если объяснять его научно, представляется крайне сомнительным и, скорее всего, кроется в каких-нибудь суеверных воззрениях, хотя, впрочем, и не объясняемых самими сургутянами. Так, например, от лихорадки, которая является наиболее распространённой в Сургутском крае болезнью, употребляются оба эти средства: и мамонтов «рог», настоящий в порошке на воде, и медвежья желчь, настоящая на водке. Медвежью же желчь принимают внутрь и от грыжи (взрослые), а медвежий зуб носят на поясище от «ломоты в хребте». Но подробнее об этом мы будем говорить в другом месте.

IV. ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ПРИ РОЖДЕНИИ И КРЕЩЕНИИ И ОТНОСЯЩИЕСЯ СЮДА СУЕВЕРИЯ И ПРИМЕТЫ

Ещё задолго до наступления родов сургутянки уже принимают некоторые меры предосторожности как для сохранения своей собственной жизни в период беременности и во время родов, так и, главным образом, для сбережения в целости своего будущего ребёнка. В этих видах беременным женщинам прежде всего воспрещается ходить в лес за ягодами или ещё за чем: может съесть медведь, который всегда «зарится» на беременных (см. III гл.).

Далее, таким женщинам воспрещается перешагивать через оглоблю, голик или собаку, а равно и «пинать» собаку ногой — у ребёнка может образоваться «кучерга», т.е. у ребёнка будет болеть спина и гнуться назад.

Также нельзя переходить через ноги беременной женщины: если, например, она сидит, вытянув ноги, их нужно обойти, или она сама должна убрать их с дороги.

Точно так же запрещается беременным садиться на порог. Наконец, беременным нельзя быть у покойника: ребёнок умрёт в утробе, и также нельзя быть свахой — по той же причине.

За месяц или за два перед родами, приблизительное время которых здесь известно всем женщинам²⁰, приглашается бабка, которая «правит» у беременной живот. С этого раза бабка начинает всё чаще и чаще навещать к больной, править у неё живот и вообще следить за нормальным течением беременности. Это называется у сургутян «жданки», когда бабка ждёт разрешения кого-либо от бремени. В это же время сургутянки стараются определить по своим приметам, кто родится: мальчик или девочка.

Если «брюхо остро, как туясок» («ишь у ней брюхо-то, как каяс», — говорят в таких случаях бабы), то родится парень, а если кругло и плоско, то — девка («ишь расплылась, вся круглёхонька, девка будет»²¹).

Впрочем, и до беременности ещё замужняя женщина может узнать, будут ли у ней дети, какого пола и долговеки ли будут они. Для этого здесь поступают так: рубашку после месячных очищений вымывают в корыте и поганую воду выливают в подполье, под передний угол, где стоит кедринка для суседки, в особую ямочку, вырытую перед этой кедринкой. Делается это обыкновенно летом, зимой же — в том только случае, если «подпол» тёплый, чтобы эта вода не замерзала и земля была «тала». Потом эту ямочку прикрывают горшком, а через три месяца смотрят (через 12 недель): если под горшком, который

²⁰ Сургутяне думают, что ребёнок родится как раз час в час и минута в минуту через 9 месяцев после того, как зачат, и, по их словам, «беременная баба не проходит ни единого часа, ни единой минуты лишнего против того, что ей положено ходить», т.е. больше 9 месяцев.

²¹ «Каяс» — «туяс» (сокращ. «туясок») то же, что по западную сторону Урала «бурак» — берестяной жбан для молока или для воды и т.п.

Этой игрой, которая продолжается неопределённое время, как мы уже говорили выше, обыкновенно и заканчивается вечерка. Если вечерку давали за «помочки», то все девушки и парни тотчас же после этой игры и расходятся по домам, парни, впрочем, несколько раньше, так как девушек оставляют на ужин. Если же вечерку устраивала девушка-именница, то приглашённые девушки нередко после ужина остаются ночевать у хозяйки. В прежнее время, по рассказам сургутян, вместе с девушками оставались на ночь и парни, но теперь этот обычай уже вывелся.

В заключение этого обзора сургутских вечёрок и местных вечерочных игр мы считаем не лишним сказать ещё несколько слов об отношениях сургутской молодёжи к замене на вечерках старинных игр и увеселений новыми европейскими танцами. Мы уже говорили выше, что эти новые танцы — полька, кадриль и лянсье — почти совсем вытеснили на здешних вечерках игровые и плясовые песни, которые ранее (даже в первые годы нашего пребывания в Сургуте, в середине 80-х годов) наполняли собой почти всю вечерку. Отношение к этим новшествам у молодёжи двоякое: парни (особенно побывавшие в Тобольске или Томске) являются главными вводителем и покровителями этих новшеств и горячо стоят за них, но девушки относятся к ним холодно и даже неприязненно. Главный мотив такого неприязненного отношения у девушек тот, что на прежних вечерках в играх и плясках (как мы уже видели) могли принимать и принимали участие все присутствовавшие на вечерке девушки: всех их по порядку должны были брать парни в «шестёрку» и «русскую», всех их «величали» в играх, все они играли «в сусудки» и т.д. Когда же завелись европейские танцы и парни стали приглашать на них лишь по выбору девушек, многим из последних приходится целый вечер сидеть в ожидании приглашений и, по выражению сургутян, «трясти веретено», обыкновенно у таких обойдённых на другой день после вечер-

ки подружки не преминут спросить: «Много ли напрыла вчера веретён?» — что, конечно, не может не огорчать известную часть женской молодёжи. А так как вкусы и симпатии парней бывают переменчивы, в сущности, никакая девушка не застрахована от того, чтобы всю вечерку просидеть одной и «прясть веретёна», — это и является главной причиной недовольства девушек новыми танцами.

Сезонные увеселения молодёжи

Переходя к сезонным увеселениям сургутской молодёжи, т.е. к таким, которые, в противоположность вечеркам, бывают лишь в определённые периоды года, мы прежде всего остановимся на Святках.

Святки в Сургуте считаются молодёжью самым весёлым временем года, и обыкновенно она их ждёт с большим нетерпением. Да и как их не ждать? Зима, с её обычными монотонными работами изо дня в день, успела уже достаточно наскучить, а тут предстоит сплошное веселье чуть не целых две недели. И вот, ещё задолго до Святков, парни и девушки начинают уже готовиться к ним: мастерят себе из бумаги маски, придумывают какие-нибудь замысловатые, смешные костюмы для предстоящего ряженья, запасаются заранее музыкой.

Наступают Святки. Первые три дня праздников проходят чинно и степенно, как и вообще здесь все праздники. Старшие ходят друг к другу в гости, умеренно выпивают и стараются держаться возможно солиднее и важнее, молодёжь же в большом нетерпении и с трудом сдерживается, чтобы с первого же дня не пойти рядиться.

Но вот наступает третий вечер праздников, и хотя рядиться, по правилам мудрых стариков, ещё несколько рано, надо подождать следующего дня, но молодёжь уже не может далее сдерживаться и шумными ватагами в самых причудливых костюмах высыпает на улицу и начинает ходить по домам...

ный год, а если гром загремит, когда люди уже поедят насыто, то год будет «сытый».

Если первый гром ударит на лёд, т.е. когда на реке стоит ещё лёд, — это предвещает «рыбный год» — обильную добычу рыбы.

IX. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА⁵⁸

Сделаться знахарем (или лекарем), по мнению сургутян, вовсе не хитро. Стоит только взять васильевский огарок и, отправившись с ним ночью на Иванов день (23 июня) в лес, забраться в самую чащу, где больше всяких разных трав, и, очертивши этим огарком широкий круг, засесть в него и дожидаться полуночи... А что будет в полночь, об этом сургутяне рассказывают так: «В полночь заговорят травы, и всякая трава начнёт сказывать своим голосом, от какой она болезни лечит. Та скажет: “Я лечу от хрипоты”, — другая: “А я от ломоты...” И пойдут промеж них разговоры, всякая трава начнёт как бы хвастаться, а ты только сиди да слушай, да запоминай. А потом, расчертившись (огарком в обратном направлении тому, как очерчен круг), нарви себе этих трав и будешь большим знахарем, будешь доподлинно знать, от какой болезни какая трава помогает...» «Но только, — прибавляют обыкновенно рассказчики, — для этого большая сметливость нужна... Жутко в лесу сидеть одному до полуночи, а как заговорит всякая трава по-своему и начнут на них прыгать огоньки — на всякой траве свой огонёк: то зелёный, то синий, то красный, — такой страх нападёт, что не выдержишь, только успеешь расчертиться и убежишь...»

⁵⁸ Настоящий очерк в несколько изменённом виде был уже напечатан в «Литературном сборнике в память женщины-врача Е.П. Серебренниковой», СПб., 1900 г. Здесь он перепечатывается с некоторыми дополнениями.

Так рассказывают сургутяне об ужасах Ивановской ночи и в эту ночь действительно боятся ходить в лес, а лекарственные травы предпочитают собирать днём, но непременно накануне Ивана Купалы. Этим делом обыкновенно занимаются старухи-лекарки, которые и лечат потом безвозмездно или за самое скромное вознаграждение — «чем поблагодарят» — всех обращающихся за их помощью больных. К врачу или фельдшеру сургутяне обращаются редко, с большой неохотой и только в тех случаях, когда переберут все свои домашние средства и последние окажутся бессильными побороть болезнь. А в деревнях и сёлах, где, как мы видели, нет никакой медицинской помощи, кроме жалких оспопрививателей, и поневоле приходится прибегать только к доморощенным лекарям и лекаркам (последних здесь больше) и лечиться «своими средствами».

Эти последние здесь столь разнообразны, что нечего и думать о том, чтобы описать их в сколько-нибудь систематическом порядке. Вместе с лекарственными травами тут идёт в дело масса других разнообразнейших средств, начиная какой-нибудь «молчаной водой» или «переносной землей» и кончая «Сном Пр. Богородицы». Ниже мы представим лишь ряд наиболее распространённых в здешнем крае болезней и все известные нам местные способы их лечения. При этом мы будем придерживаться исключительно воззрений самих сургутян, так что в ряду этих болезней, с одной стороны, могут оказаться и некоторые проблематические, вроде, например, болезни, появляющейся, по словам сургутян, оттого, что съешь какую-нибудь пищу, которую понюхала собака или кошка, а с другой — в этот ряд могут не попасть и некоторые очень существенные болезни, скрываясь в таких неопределённых выражениях, как простуда или ломота в костях. Вообще нужно заметить, что сургутские болезни, по-видимому, несложны, по крайней мере по определению самих сургутян. Так, они различают следующие болезни: «лихорадочную болезнь, которая берёт жаром и дрожжом»,

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**